

А.А. БАХАРЕВ*

ПРОЦЕСС ПРЕЗИДЕНЦИАЛИЗАЦИИ ТУРЦИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ Р.Т. ЭРДОГАНА: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается эволюция турецкой формы правления как уникальный кейс стремительной президентализации, отразившейся как на практическом содержании взаимоотношений между ветвями власти, так и на конституционных правилах игры в треугольнике «Президент – парламент – правительство». Специфика процесса президентализации исследована в рамках неоинституционального подхода. Анализу подвергаются конституционно-правовые аспекты взаимоотношений ветвей власти, исторические детерминанты, специфика партийной системы и взаимодействия главы государства и правительства, внешнее влияние. «Тропа зависимости» турецкой системы представлена исторической конкуренцией проектов персонификации власти, парламентаризма и военного правления. В начале XXI в. на смену периоду разрозненности партийной системы 1990-х пришло доминирование Партии справедливости и развития Р.Т. Эрдогана в законодательной власти, что заложило основу для персонификации. После объединения государственных органов под контролем ПСР произошло последовательное снижение автономии премьер-министров. В конституционном измерении произошла трансформация институционального дизайна от парламентской республики к президентализованной системе с монизмом исполнительной власти и установлением взаимозависимости политических судеб президента и парламента. Одним из условий успешности транзита являлась ликвидация политической роли и автономии военных институтов, которые на протяжении почти 100 лет выступали контролером общественного развития. К 2020-м годам ответом на концентрацию властных ресурсов в руках Р.Т. Эрдогана стала консолидация и рост представительства парламентской оппозиции в ВНСТ, что в сочетании с

* **Бахарев Анатолий Александрович**, аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: baharev-anatoliy@mail.ru

инерцией представления армии о собственной политической роли создает вероятность ревизии формы правления. Основными факторами устойчивости президентализованной формы правления выступают способность к преодолению проявлений социально-экономического кризиса, исторической инерции политической роли армии, кризиса лидерства при транзите президентской власти. Изучение выявленных в рамках исследования факторов президентализации может быть использовано при анализе эволюции полупрезидентских республик, в том числе постсоветского пространства.

Ключевые слова: президентализация; полупрезидентская республика; форма правления; президент; парламент; правительство; Турция.

Для цитирования: Бахарев А.А. Процесс президентализации Турции в период правления Р.Т. Эрдогана: возможности и ограничения // Политическая наука. – 2024. – № 3. – С. 134–160. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.03.06>

Теоретическая рамка исследования

Политические институты, непрерывно взаимодействуя с изменчивой окружающей средой, находятся в постоянном развитии. При этом динамика политического развития неравномерна: в условиях устоявшихся социально-экономических отношений формы правления реагируют колебательным движением в достаточно узких рамках, в то же время при стремительном накоплении существенных общественных новаций эволюция политических систем характеризуется радикальными институциональными изменениями. Отечественный исследователь П.В. Панов представляет модель чередования фаз исторического развития дихотомией «нормативных периодов» стабильного функционирования институтов и «критических точек», характеризующихся резким ростом неопределенности, которая, в свою очередь, стимулирует институциональное творчество и приводит к воплощению значительных новаций [Панов, 2006, с. 59]. А.Н. Медушевский добавляет в кризисную модель развития элемент исторической преемственности и цикличности. Представляя ведущей смысловой нитью исторического развития процесс чередования конституционных циклов, он выделяет в структуре переходного периода три фазы – деконституционализацию (ослабление легитимности и отмена старой конституции); конституционализацию (принятие новой конституции и распространение ее норм на отраслевое право) и реконституционализацию (внесение в действующую конституцию изменений, означающих движение вспять, в направлении норм и практик,

фиксировавшихся прежней конституцией) [Медушевский, 2006, с. 54]. Данной логике подвержено и развитие системы взаимодействий между основными ветвями власти.

С начала 1970-х годов европейские исследователи отмечали начало процесса глубокой трансформации общества, связанного с изменением социальной структуры и коммуникативной инфраструктуры западного общества, и указывали на неизбежность видоизменения властных отношений. Исследуя ирландский политический процесс, Б. Фаррелл заявил о высокой вероятности грядущей персонификации политики: «По мере того, как старая политика классовых и идеологических конфликтов в Европе ослабевает, как телевидение становится главным средством политической информации для общественности, как партии и парламенты слабеют перед исполнительной властью, власть будет все больше становиться видимой для людей через популярных лидеров, и эти лидеры станут главным средством привлечения внимания общественности» [Farrell, 1971, p. 54]. При этом большая часть исследователей (М. Дюверже [Duverger, 1980], Дж. Сартори [Sartori, 1997], М. Шугарт и Дж. Керри [Shugart, Carey, 1992] и др.) в последние десятилетия XX в. подчеркивали относительную стабильность форм правления при конъюнктурном колебательном перемещении властных ресурсов между индивидуальными и коллективными акторами.

В конце XX в. Р. Элджи на материалах исследования полупрезидентских систем Европы сформулировал классификацию изменчивости доминирующей системы распределения полномочий, предполагающую вариативность вектора и динамики развития. Он выделил следующие модели эволюции лидерства: 1) стабильная модель доминирования Президента или премьер-министра; 2) сдвиг от изначальной модели лидерства к другой (от Президента к премьеру или от премьера к Президенту); 3) отсутствие доминирующей модели лидерства с чередованием президентского, премьерского доминирования и периода сосуществования [Elgie, 1999].

В 2000-е годы в фокус внимания академического сообщества вошел анализ эволюции форм правления в свете изучения президентализации как ведущего вектора развития. Так, Т. Погунтке утверждает, что в парламентских и полупрезидентских системах Европы политика «все больше и больше характеризуется логикой

взаимоотношений между парламентом и правительством, типичной для президентских систем» [Poguntke, 2000, p. 19]. В качестве основных предпосылок процесса президентизации исследователи выделили: 1) разрушение традиционных «кливажей» общественного мнения, что в свою очередь приводит к потере устойчивой связи партий со своими избирателями, снижению уровня идеологизации, потере партийной идентичности и единства; 2) распространение новых форм политической коммуникации, не опосредованных системой представительства; 3) усложнение и профессионализацию системы государственной бюрократии; 4) интернационализацию политики, ускоряющую достижение именно персональных соглашений лидеров. На материалах политического развития Европы результирующими данных процессов становились: 1) повышение автономии глав исполнительной власти в частности и правительств в отношении парламентов в целом; 2) плюрализация партийных структур и последующее повышение автономии лидеров; 3) персонализация избирательных кампаний, «приватизация» мандатов и снижение значения электоральных машин партий [Poguntke, Webb, 2005, p. 1–25]. Таким образом, если режим располагается ближе к «президентизированному» правлению, то это означает, что произошел сдвиг ресурсов политической власти от коллективных акторов (кабинетов министров и политических партий) к отдельным лидерам, и увеличилась автономия последних [Poguntke, Webb, 2005, p. 1–25]. Согласно определению российского исследователя О.И. Зазнаева: «Президентизация политики – сложный и многоплановый процесс, происходящий сегодня во многих парламентских и полупрезидентских государствах мира. Он представляет собой постепенное усиление президентских черт полупрезидентизма без изменения формы правления, относительно длительный политический процесс, затрагивающий принципы взаимоотношений между органами власти и заключающийся в изменении правил функционирования формы правления, когда появляются и усиливаются элементы, свойственные чистой президентской системе, но при этом не происходит перехода к ней» [Зазнаев, 2014, с. 23].

Классики исследования феномена президентизации концентрировались именно на анализе систем взаимоотношений внутри парламентского, полупрезидентского и президентского типов, постулируя что нормативные ограничения, институциональная инерция и внутренняя логика «идеальных форм» воспрепят-

ствуют переходу новаций из области практических политических отношений в конституционное поле. Т. Погунтке заявлял, что последовательный переход от парламентской к полупрезидентской и далее к президентской форме невозможен, в связи с тем, что данные системы обладают собственной внутренней логикой и должны рассматриваться как дискретные феномены [Poguntke, 2000, p. 7]. Данный вывод показал свою релевантность в политиях Европы. Но за последующие 20 лет вместе с информационной революцией, глобализацией и структурными социальными сдвигами процесс президенциализации политики распространился на большую часть мира и в ряде стран получил конституционное оформление.

Наиболее интересным воплощением данного явления выступает политический процесс при правлении Р.Т. Эрдогана в Турции, представляющий редкий кейс быстрой и последовательной эволюции формы правления от парламентской модели к полупрезидентской и далее к системе с преобладающими президентскими чертами. Данное положение отлично иллюстрируют результаты индексного анализа в версии А. Кроувела с дополнениями О.И. Зазнаева – с 2002 по 2023 г. показатель президенциализации турецкой формы правления возрос с -2 до $+6$ пунктов [Бахарев, Кузнецов, 2019, с. 112–113].

В данной статье представлены результаты исследования эволюции турецкой формы правления посредством неинституционального подхода с применением анализа специфики конституционно-правовых аспектов, влияния «тропы зависимости», развития системы взаимодействия президентов и премьер-министров, партийной системы, конфигурации политических субституты (цензорных институтов военного контроля в турецком кейсе) и внешнего влияния. Применение данного подхода позволяет выявить наиболее значимые факторы президенциализации и обозначить перспективы дальнейшей эволюции формы правления.

Исторические предпосылки президенциализации турецкой формы правления

«Тропа зависимости» развития турецкой государственности выстроена конкуренцией трех традиций: персонализма, парламентаризма и военного правления. Основы современной турецкой

государственности были заложены в Конституции Турции 1924 г. Основным органом власти провозглашался однопалатный парламент (Великое национальное собрание Турции – ВНСТ), получивший полномочия назначать президента и премьер-министра. Исходная форма правления Турции тем самым может быть охарактеризована как парламентская республика [Gur, 2015, p. 25]. Однако однопартийная система и «молодость» республиканских институтов накладывали на функционирование парламентской республики определенные ограничения. Реальная политическая власть над партийным, бюрократическим и военным аппаратами концентрировалась в руках революционного лидера М.К. Ататюрка. Таким образом, несмотря на форсированную вестернизацию и секуляризацию страны, политический режим второй четверти XX в. наследовал основные черты султанизма. При этом условия национально-освободительной борьбы с англо-греческой интервенцией закрепили заложенную Младотурецкой революцией 1908 г. и Младотурецким триумvirатом 1913–1918 гг. политическую роль военных институтов, выступивших базой формирования новой идеологии и элиты страны.

После легализации оппозиционных политических партий в 1945 г. и утраты монополии Народно-Республиканской партии и военной элиты на власть начался длительный период нестабильного парламентского правления под контролем армейских институтов, выступивших гарантами сохранения кемализма в качестве основы государственного развития. С исторической точки зрения парламентская республика стала развитием традиций парламентской монархии 1876–1878 гг. и 1909–1913 гг.

Последующие 50 лет парламентаризма характеризовались нарастанием противоборства между кемалистскими, исламистскими и левыми движениями, недолговечностью правящих коалиций и правительственными кризисами, следствием которых явились неспособность обеспечения устойчивого общественно-политического развития страны, высокая острота протекания экономических кризисов и нарастание антагонизма между социальными группами [Gur, 2015, p. 26–27]. Республика пережила четыре периода военного правления, за двумя из которых последовало принятие новых редакций основного закона (Конституции 1961 и 1982 гг.), расширивших функционал и юридическую базу военного контроля за гражданскими властями. Расширение участия военных в политике

не приводило к долгосрочному повышению эффективности и устойчивости гражданских институтов.

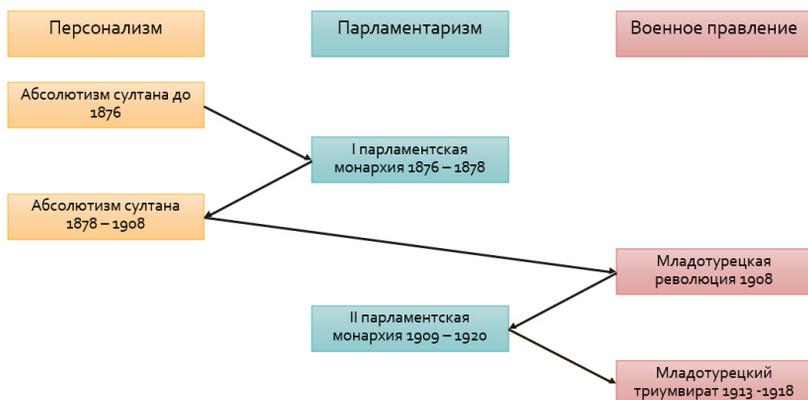

Рис. 1.

Схема переходов между доминирующими тенденциями эволюции формы правления Османской империи¹

Ответом на хроническую дисфункцию парламентской системы в 1980–1990-х годах явилась дискуссия о необходимости президентализации, проводимая президентами Т. Озалом и С. Демирелем. Целесообразность наделения президента дополнительными полномочиями Т. Озал обосновывал необходимостью повышения эффективности экономической политики, что, по его мнению, возможно лишь в условиях президентской республики. Т. Озал также не исключал возможности президентского вмешательства в сферу компетенции парламента, так как, по его мнению, коалиционные правительства не способны управлять такой политически фрагментированной страной, как Турция [Gülener, Mis, 2017, p. 1–32]. Реализацией данных идей должно было явиться введение системы всеобщих выборов президента одновременно с парламентскими выборами. Идеалом С. Демиреля являлась система «усиленного президента», в которой президент получил бы возможность формировать правительство без ветоума доверия парламента, назначать референдумы,

¹ Схема составлена автором.

определять курс внешней политики и приоритеты национальной безопасности, распускать парламент [Duran, Mis, 2018, p. 20].

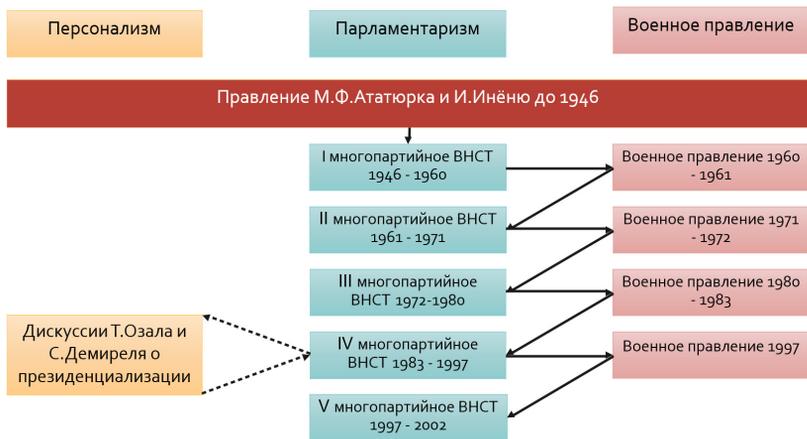

Рис. 2.

Схема переходов между доминирующими тенденциями эволюции формы правления Турции в XX в¹.

Таким образом к началу XXI в. в Турции сложились предпосылки президентциализации. Начиная с 1980-х годов шли оживленные дискуссии о перспективах построения в Турции полупрезидентской или президентской системы. Система парламентского правления последовательно дискредитировала себя правительственными кризисами и неспособностью справиться с экономической рецессией.

Процесс президентциализации в треугольнике «Президент-парламент-правительство»

Процесс президентциализации системы разделения властей Турции периода господства Р.Т. Эрдогана и ПСР правомерно условно разделить на следующие периоды:

¹ Схема составлена автором.

1) конфликтное сосуществование президента и премьер-министра с последующим переходом к полупрезидентской системе (2002–2007);

2) консолидация власти в треугольнике «Президент-парламент-правительство» (2007–2014);

3) персонализация власти и концентрация полномочий в руках президента (2014–2018);

4) переход к монизму исполнительной власти (2018 – н. в.).

В 2002 году в результате беспрецедентной победы на выборах депутатов ВНСТ XXII созыва ПСР получает 363 мандата, формирует однопартийное правительство и приступает к реализации законодательных инициатив по распространению норм ислама в общественной жизни, на которые президент-кемалист и бывший глава КС Н. Сезер закономерно накладывает вето. Данное противостояние продолжалось до 2007 г., когда ПСР со второй попытки¹ добивается избрания сооснователя ПСР А. Гюля президентом. Так происходит концентрация у ПСР основных властных позиций в треугольнике «Президент-парламент-правительство».

В 2007 г. ПСР принимает закон о переходе к прямым выборам президента, сокращении срока президентских полномочий с 7 до 5 лет с правом переизбрания, введении права президента баллотироваться на второй срок. После двукратного наложения вето еще сохраняющим пост Н. Сезером законопроект выносится на референдум, где получает поддержку 58% избирателей. С момента вступления в силу механизма всенародного избрания в 2014 г. президент приобретает легитимность, превосходящую легитимность премьер-министра. Опираясь на народный мандат доверия, президент получил право определять основные векторы политического развития, способность в случае конфликта с легислатурой апеллировать к собственной всенародной поддержке.

Стоит отметить, что реформирование институциональных условий разделения властей на данном этапе привело к реализации крайне конфликтной формы интеракций президента и премьер-министра. За период 2003–2007 гг. Н. Сезер использовал право вето чаще, чем любой другой президент в истории Турции. Четырежды оппозиция и президент инициировали безуспешные попытки

¹ Первая попытка избрания А. Гюля Президентом не удалась в результате срыва кворума депутатами НРП и признания КС выборов несостоявшимися.

запрета ПСР Конституционным судом [Садыкова, 2009, с. 149–157]. Следствием политического кризиса, связанного с избранием А. Гюля, явился институциональный переход Турции к полупрезидентской форме правления [Gur, 2015, p. 35].

В течение следующего периода наблюдалась конструктивная модель взаимодействия президента и премьер-министра Турции. Будучи ближайшими политическими союзниками и основателями ПСР, Р.Т. Эрдоган и А. Гюль проводили единую политическую линию. Используя возросшие возможности имплементации институциональных новаций, полученные в результате консолидации власти в треугольнике «Президент – парламент – правительство», ПСР добилась установления президентского контроля над назначениями судей КС (Конституционного суда) и ликвидировала особую юрисдикцию военных судов в результате референдума 2010 г. (за проголосовали 58% избирателей). Наиболее существенное значение для эволюции баланса полномочий ветвей власти имело изменение принципа комплектования КС. Президент получил право назначать по предложению коллегий судей и юристов 14 из 17 членов КС, оставив в сфере кадрового влияния парламента лишь три поста [Аватков, 2021, с. 47]. Так лидеры ПСР, во-первых, ликвидировали возможную юридическую угрозу со стороны судебной системы, которая с 1961 г. выступала цензором партийной политики, а во-вторых, существенно усилили позиции президента в треугольнике «Президент – парламент – правительство».

Для анализа системы премьер-президентского взаимодействия необходимо отметить, что А. Гюль являлся достаточно влиятельным и популярным политиком, при этом не выдвигая претензий на лидерство. Это обусловило длительное и плодотворное сотрудничество президента и премьер-министра. Данную систему интеракций правомерно обозначить как систему распределенного лидерства, своеобразного «статусного равенства» при неформальном доминировании премьер-министра Р.Т. Эрдогана.

Премьер-президентская система интеракций была нарушена внутрипартийным конфликтом основателей ПСР, спровоцированным общенациональными протестами лета 2013 г., начавшимися в виде митинга против сноса парка Гези в Стамбуле и стремительно принявшими антиправительственный характер и общенациональный масштаб. Примирительная позиция А. Гюля и признание необоснованности применения насилия против протестующих вице-

премьера Б. Арынча спровоцировали острую критику Р.Т. Эрдогана [Зубкова, 2013, с. 68–70]. Вышеперечисленные факты осложнили взаимодействие президента и премьер-министра, перевели тренд интеракций из конструктивного в конфликтное русло, что повлекло исключение А. Гюля из состава управленческой элиты ПСР по завершении президентского срока. Другим следствием внутривнутрипартийного конфликта явилось изменение ведущих психологических характеристик Р.Т. Эрдогана как лидера. По оценкам исследователей политической психологии, премьер-министр стал в два раза более подозрительным и непримиримым к критикующим его высказываниям [Linders, 2017, p. 20–22].

С 2014 г. Р.Т. Эрдоган стал первым всенародно избранным президентом, реальные властные полномочия премьер-министра значительно снизились. Период 2014–2016 гг. представляет собой взаимодействие усилившегося после отстранения от власти влиятельных соратников по ПСР президента Р.Т. Эрдогана и нового лидера ПСР и премьер-министра идеолога внешней политики ПСР А. Давутоглу. В рамках реализации курса на превращение Турции в независимого регионального лидера А. Давутоглу аккумулировал внешнеполитические полномочия, в то время как Р. Эрдоган сконцентрировал усилия на внутренней политике и продвижении новой конституционной реформы. Однако такая система интеракций не стала долговечной: разногласия между президентом и премьер-министром по вопросам направления конституционной реформы и решения курдской проблемы¹ привели к отставке А. Давутоглу. В итоге правительство Турции было полностью освобождено от деятелей, стоявших у основания ПСР.

На посту премьер-министра А. Давутоглу сменил бывший министр транспорта Б. Ыылдырым. До 2016 г. он не являлся публичным политиком, занимая пост министра транспорта в правительствах Р.Т. Эрдогана и А. Давутоглу. Роль Б. Ыылдырыма сводилась к координации работы правительства в целях имплементации политики президента. Выбор Р.Т. Эрдогана обусловлен последовательным изменением его стиля лидерства в направлении авторитаризма, что предполагает назначение технических премьеров,

¹ Altan A. Turkish PM Davutoglu bows out in power rift with Erdogan // France 24. – 03.05.2016. – Mode of access: <https://www.france24.com/en/20160505-turkey-davutoglu-bows-out-prime-minister-power-rift-erdogan> (accessed: 29.02.2024).

неспособных составить президенту конкуренцию в борьбе за влияние в партии власти и государственном аппарате.

Важной реперной точкой в эволюции формы правления в Турции явилась неудачная попытка военного переворота 16 июля 2016 г. Закономерно наиболее значимым следствием подавления попытки переворота явилось стремительное продвижение проекта изменения Конституции с целью дальнейшей президенциализации взаимоотношений в треугольнике «Президент – парламент – правительство».

Новая Конституция, принятая на референдуме в апреле 2017 г. (за проголосовал 51% избирателей), вступила в силу после президентских и парламентских выборов 2018 г. и позволила осуществить дальнейшее смещение баланса политических ресурсов в сторону института Президентства. Президент получил полномочия по формированию кадрового состава правительства и определению направления политики кабинета министров, возможность роспуска законодательством областей¹. Кроме того, в новой редакции Конституции значительно ограничивалась подотчетность кабинета министров парламенту, что было закреплено отменой практики интерpellации². Взамен двойной ответственности правительства в обновленной турецкой Конституции были предусмотрены два механизма: синхронизация сроков полномочий президента и парламента (и, соответственно, президентских и парламентских выборов, что резко снижает вероятность победы на них противостоящих сил) и возможность досрочного роспуска парламента (как по его собственной инициативе, так и по инициативе президента), за которым следуют новые (опять же синхронные) выборы обеих ветвей власти [Харитоновна, 2018, с. 195]. Стоит отметить, что за счет одновременности выборов и освобождения работы правительства от политической воли парламента новая редакция Конституции в политической практике способствует снижению остроты протекания потенциального конфликта двойной легитимности, в полупрезидентских системах способного приводить к этапу «сосуществования» при победе

¹ Конституция Турции 1982 года в редакции 2017 года. Ст. 104, 116.

² Ликвидацией обязанности министров давать отчеты парламенту с политическими последствиями.

политических оппонентов на выборах президента и депутатов парламента. Таким образом взаимозависимость реализации полномочий президента и законодательной власти, характерная для полупрезидентских систем, была перенесена с уровня дуализма исполнительной власти на уровень сроков полномочий самих президентской и законодательной ветвей власти.

Должность премьер-министра с двойной ответственностью перед президентом и парламентом функционально была замещена должностью вице-президента. При этом турецкий вице-президент является скорее президентским чиновником, чем публичным политиком, поскольку, согласно новой Конституции, вице-президент не избирается населением на выборах одновременно с Президентом, а назначается действующим президентом в произвольный момент времени [Gülener, Mis, 2017, p. 20–27]. Таким образом четвертый этап развития взаимодействий между президентом и премьер-министром характеризуется установлением монизма исполнительной власти.

Ликвидация политических полномочий и влияния ВС Турции

Во второй половине XX в. генералитет четырежды проводил успешные военные перевороты в 1960, 1971, 1980 и 1997 гг. Взяв прямое управление государственными институтами, вооруженные силы распускали законодательную власть, отправляли в отставку правительство, запрещали политические партии и деятельность отдельных лидеров, дважды меняли Конституцию, проводили масштабные чистки руководства государственных ведомств, системы образования, СМИ и общественных организаций. Генералитет последовательно расширял набор политических ресурсов и полномочий: в 1961 г. был создан СНБ (Совет национальной безопасности) и в качестве основной обязанности армии была законодательно закреплена «защита и сохранение Турецкой Республики», с 1982 г. СНБ, контролируемый военными, перестал являться консультативным органом (его рекомендации получили приоритет при рассмотрении правительством), в 1983 г. СНБ получил право мониторинга работы министерств на предмет реализации рекомендаций [Шлыков, 2013, с. 107–109]. Традиционная политическая роль турецкой

армии вступала в закономерное противоречие с политикой исламистских сил и приводила к блокированию их деятельности. Таким образом, проведение политической линии ПСР, президентализация и персонификация власти Р.Т. Эрдогана были невозможны без ограничения политического влияния ВС Турции.

Необходимо отметить, что в начале 2000-х годов в среде генералитета произошел раскол на фракции условных «консерваторов» и «либералов». Приоритетом первых было сохранение традиционных контрольных полномочий ВС Турции в политическом процессе, в то время как вторые выступали за ускорение евроинтеграции и исполнение Копенгагенских критериев, предполагающих, в том числе, отстранение военного руководства от политической власти [Шлыков, 2013, с. 107–109]. Получение «либералами» в лице Х. Озкёка поста начальника Генерального штаба в 2002 г. обусловило на начальном этапе отсутствие организованного противодействия армии политике ПСР, легитимированной приведением турецкого законодательства в соответствие европейским нормам. Это позволило Р.Т. Эрдогану реализовать ряд институциональных новелл, направленных на ограничение участия СНБ в формировании внутренней и внешней политики страны.

На первом этапе в результате административной реформы правительства Р.Т. Эрдогана 2003 г. были устранены нормы, позволяющие занимать пост генерального секретаря СНБ исключительно представителям генералитета и дающие право доступа СНБ в органы власти с целью мониторинга реализации своих рекомендаций. Кроме того, в состав СНБ вошли все помощники главы правительства, решения данного органа приобрели рекомендательный характер. Также глава СНБ должен был назначаться премьер-министром из списка кандидатур, предложенных главой Генерального штаба [Айтас, 2017, р. 269–278]. Данный шаг ослабил позиции кемалиста президента Н. Сезера, который ранее обладал возможностью назначать главу СНБ. В результате за счет фактического упразднения довлеющего влияния органа военного контроля возросла автономия премьер-министра и значительно расширились возможности проведения ПСР независимой политики. Успех изменения статуса СНБ связан в первую очередь с удачно реализованной кампанией по легитимации новаций, основанной на декларировании приоритета удовлетворения рекомендаций

Еврокомиссии (требовавшей отстранения военных от власти), которая способствовала дезориентации кемалистских сил.

Следующий этап законодательных новаций ПСР был реализован после консолидации контроля над системой разделения властей. В 2010 г. в рамках конституционных поправок компетенция военных судов была ограничена сферой военных преступлений. В том же году правительство прекратило действие «Протокола о безопасности, общественном порядке и взаимопомощи», разработанного после переворота 1997 г. и призванного легитимировать возможные вмешательства военных в гражданское управление. А в 2013 г. ВНСТ, контролируемый депутатами ПСР, устранил норму 1961 г. о предназначении ВС Турции для «защиты и сохранения Турецкой Республики», ограничив сферу ответственности армии сдерживанием внешних угроз и выполнением задач с согласия ВНСТ. Таким образом, были ликвидированы правовые основания для вмешательства армии в политический процесс и заложены условия для масштабной кампании по обновлению кадрового состава ВС, а также разгрома кемалистского командного состава.

Неудавшийся военный путч лета 2016 г. предоставил Р.Т. Эрдогану политические основания для введения режима чрезвычайного положения, проведения радикальной реформы структуры армии и коренного изменения концепции взаимодействия гражданских и военных органов Турции. В результате изменения состава Высшего военного совета, где после включения вице-премьеров и министров силового блока «гражданские» составили большинство (к 2018 г. из 12 членов только 5 были генералами), президент получил прямой контроль над кадровой политикой вооруженных сил. Кроме того, Генеральный штаб утратил контроль над назначением чиновников министерства обороны в пользу военного министра. Командование жандармерией – военной полицией и береговой пограничной охраной – передано в ведение МВД [Шлыков, 2020, с. 127].

Полному перереформированию подверглась система подготовки высшего командного состава. Военные училища и академии, составлявшие основу социализации офицерского и генеральского корпусов, были расформированы. Их место занял Национальный военный университет при министерстве обороны. Кроме того, бы-

ла ограничена кооперация с институтами НАТО в сфере подготовки личного состава¹.

Одним из наиболее значимых последствий путча 2016 г. стали массовые репрессии против военной элиты и радикальное обновление штата ВС Турции. Уволено и отправлено под арест 150 генералов, более 5 тыс. офицеров, 2,6 тыс. унтер-офицеров, 1,7 тыс. рядовых и ? сержантов, а также более 500 гражданских служащих военных ведомств².

Таким образом, во второй половине 2010-х годов Р.Т. Эрдоган не только стал первым в турецкой истории главой государства, одержавшим победу над путчистами, но и смог добиться фактического разгрома политического потенциала кемалистской военной элиты и революционного преобразования модели взаимодействия гражданских и военных властей. ВС Турции утратили способность контролировать политический процесс и выступать гарантом сохранения принципов кемализма в фокусе национальной политики, а также лишились организационной автономии. Вероятно, наиболее существенным ударом для военных элит стала реформа системы подготовки личного состава, ликвидирующая кемалистскую социализацию, что в долгосрочной перспективе подрывает систему кооптации будущих кемалистов. На настоящий момент военные институты включены в иерархию органов исполнительной власти, напрямую подотчетных Р.Т. Эрдогану. При этом преждевременно говорить о полном разгрома военной оппозиции из-за глубокой укорененности в политической культуре армии идеологии кемализма, являвшейся основой политической социализации на протяжении практически столетия. Существенным фактором эволюции политической роли армии неизбежно станет и богатейший по мировым меркам опыт вмешательства в функционирование гражданских органов власти.

¹ В связи с наличием данных о прохождении путчистами курсов Школы повышения квалификации офицерских составов ВМС США, где они наладили взаимоотношения с ЦРУ.

² Gurcan M. Turkish military purges decimate career officer, pilot ranks // Al-Monitor. – 25.05.2018. – Mode of access: <https://www.al-monitor.com/originals/2018/05/turkey-military-purges-career-officer-pilot.html> (accessed: 1.05.2024).

Выводы и перспективы

На протяжении начала XXI в. в Турецкой республике наблюдалась тенденция к последовательной президенциализации формы правления. Основными аспектами президенциализации Турции являются:

1) эволюция партийной системы (где доминирование пропрезидентской партии 2000-х и 2010-х годов пришло на смену плюралистической раздробленности парламента 1990-х годов);

2) ликвидация контролирующей роли генерального штаба ВС Турции в политическом процессе;

3) ослабление влияния премьер-министров на политику правительства;

4) изменение конституционного порядка взаимодействий президента, парламента и правительства в системе разделения властей;

5) развитие стиля лидерства Р. Эрдогана в направлении авторитарности.

Главным политическим актором, осуществляющим данный проект, явился Р.Т. Эрдоган, инициировавший на первом этапе введение системы всеобщих выборов главы государства, что позволило сделать институт президентства независимым от парламента, а на втором этапе – переход к монизму исполнительной власти, консолидирующему все исполнительные полномочия в руках президента. Примечательно, что политическая система, установленная Конституцией 1982 г., оказалась достаточно гибкой для сохранения лидирующих позиций Р. Эрдогана вне зависимости от формально занимаемых им постов с 2003 г. В контексте вышеупомянутого правомерно говорить не столько о президенциализации политической системы Турции, сколько о персонификации власти посредством президенциализации формы правления.

Согласно ведущему определению смешанной формы правления, Турция на данный момент близка к президентской республике. Черты смешанной формы правления сохраняются в треугольнике взаимоотношений «Президент – парламента – правительство» и выражены в способности президента распустить ВНСТ и во взаимозависимости сроков полномочий исполнительной и законодательной ветвей власти. Стоит также отметить, что президенциализация привела к ликвидации значительной роли субститутов-цензоров политического процесса (в первую очередь СНБ) и кон-

солидации всех властных полномочий в треугольнике «Президент-парламент – правительство».

При использовании аналитической оптики Т. Погунтке и П. Уэбба обнаруживается множество индикаторов президенциализации в сфере исполнительной власти, партийной системе и электоральных процессах. В сфере исполнительной власти произошла полная консолидация контроля за политикой правительства в руках Р.Т. Эрдогана в результате перехода к монизму исполнительной власти после президентских выборов 2018 г. Со времен протестов на площади Таксим в 2013 г. Р.Т. Эрдоган наращивал контроль за коммуникативным пространством, постепенно исключая проводников политических альтернатив из дискурса, что особенно отчетливо проявилось в реакции на попытку путча 2016 г. и в последующей кампании по реализации конституционной реформы. Глава правительства проводил последовательный курс изоляции влиятельных соратников по правящей партии от принятия решений (отставки А. Гюля, Б. Арынча, А. Давутоглу, М. Чавушоглу и др.). С 2018 г. посты министров и депутатов ВНСТ стали взаимоисключающими. После президентских выборов 2023 г. только два (министр здравоохранения и министр культуры) из 16 министров сохранили портфели, среди новоприбывших лишь министр МВД пришел в кабинет из публичной политики (с поста губернатора Стамбула), что указывает на технократический подход к комплектованию органа и высокую распространенность ротаций¹.

В аспекте партийной деятельности наблюдается значительно менее интенсивная президенциализация. Последние изменения в устав ПСР были внесены в 2012 г., что уже позволяет сделать вывод о низкой динамике институционального развития. Принятие программы партии находится в исключительном ведении съезда и принимается голосованием делегатов (председатель и партийные институты рассматриваются как исполнители документа)². Председатель ПСР также избирается делегатами на съезде, прямое голосование членов не практикуется. При этом в коммуникативном отношении сильны черты президенциализма – устав наделяет

¹ Эрдоган объявил состав нового правительства // РИА Новости. – 4.06.2023. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230604/turtsiya-1876033187.html> (дата посещения: 17.04.2024).

² By-law of The Justice and development party (with Amendments Effected in 2012). – P. 61. – Mode of access: <https://www.akparti.org.tr> (accessed: 17.04.2024).

председателя преимущественным правом формулировать оценки текущих событий от лица ПСР¹, в основе тактики политической борьбы находятся плебисцитарные практики, значение которых лишь возрастало по мере реализации конституционного проекта Эрдогана. В кадровом отношении председатель правящей партии всегда становится главой правительства, но с 2018 г. нижестоящие лидеры ПСР последовательно изолируются от замещения высших государственных должностей за пределами парламента. При этом стоит отметить, что неформальное внутрипартийное влияние Р.Т. Эрдогана росло по мере изоляции поколения основателей ПСР и развития неформального инструментария разработки и реализации решений.

В электоральном разрезе сильна персонификация политики, медиаприсутствие Р.Т. Эрдогана в рассматриваемый период неуклонно возрастало, при этом повышалось значение прямых форм коммуникации лидера с электоратом (например, через соцсети). В целом для ПСР характерно «сращивание» с образом лидера.

Таким образом анализ совокупности индикаторов президентализации позволяет сделать вывод о формировании полной автономии Р.Т. Эрдогана в сфере исполнительной власти, высокой степени контроля внутрипартийной политики и наличии господствующей кандидато-центристской модели в правящей партии.

Однако турецкое государство и общество демонстрируют цикличность развития. Как отмечает отечественный исследователь В.А. Аватков, за периодом консерватизма вполне может последовать очередная «прозападная» эпоха. Если к власти придет, к примеру, ориентированная на США Народно-республиканская партия, то текущий политический курс может смениться диаметрально противоположным – на этот раз соответствующим воззрениям светской и прозападной части населения [Аватков, Сбитнева, 2023, с. 283]. Данный фактор, с одной стороны, может стать основанием будущего укрепления полномочий легислатуры в треугольнике «Президент – парламент – правительство», а с другой – привести к возрождению контрольных полномочий высшего армейского командования в отношении гражданских властей в целом и системы разделения властей в частности.

¹ By-law of The Justice and development party (with Amendments Effected in 2012). – P. 76–77. – Mode of access: <https://www.akparti.org.tr> (accessed: 17.04.2024).

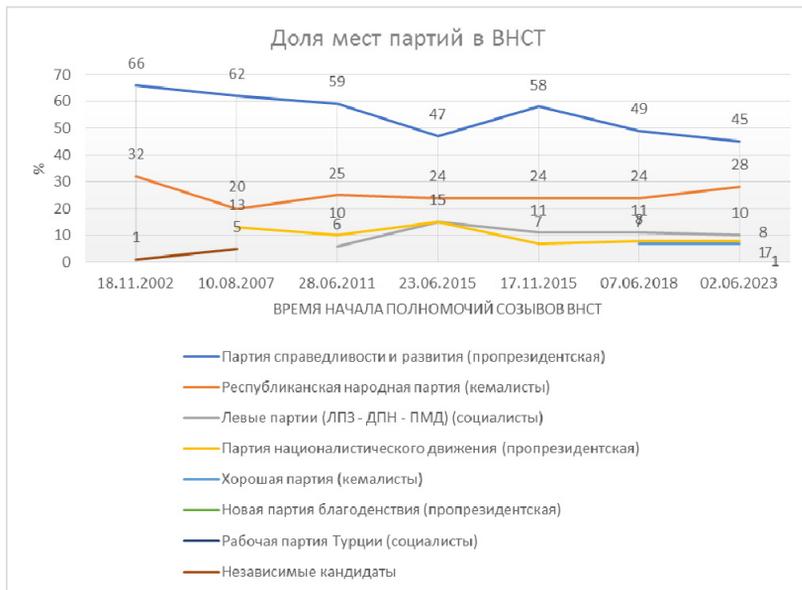

Рис. 3.
Изменение доли мест партий в ВНСТ

В Турции почти половина избирателей последовательно выступает против воплощения тенденции к персонификации власти Р.Т. Эрдогана. За 10 лет электоральная поддержка направленных на президентализацию конституционных реформ упала на 18% с 69% по результатам референдума 2007 г. и до 51% на референдуме 2017 г. Этот факт объясняется не только неприятием самих конституционно-правовых инициатив по изменению системы разделения властей, но и неприятием оппозиционным электоратом самого содержания внутренней и внешней политики Р.Т. Эрдогана, что, в частности, выражается в снижении представительства пропрезидентских сил в парламенте. С 2002 г. ПСР утрачивала мандаты в результате каждых выборов (за исключением повторных выборов 2015 г.) и к 2023 г. уступила оппонентам 21% мест в ВНСТ. Потеряв не только конституционное большинство, но и абсолютное, с 2018 г. ПСР вынуждена выстраивать альянсы с националистическими силами. При этом оппозиционные партии проявляют готовность к консолидации и объединению предвыборных усилий

вокруг крупнейшей кемалистской партии НРП. Образование альянса кемалистских и социалистических сил на президентских выборах в 2023 г. впервые не позволило Р.Т. Эрдогану одержать победу в первом туре голосования. Таким образом, динамика электоральных предпочтений турецкого общества свидетельствует о повышении вероятности перехода ведущих политических институтов под контроль кемалистов и последующей ревизии формы правления в пользу парламентаризма.

Концепции кемализма и исламского неоосманизма, продвигающие антагонистические проекты парламентаризации и президентализации соответственно, являются внутренними продуктами культурно-исторического развития Турецкой республики, имеющей столетнюю историю независимого политического развития. К тому же затяжной и в целом неудачный характер евроинтеграции Турции, дополненный реализацией курса на фактическое сокращение контактов с ЕС и НАТО и общественной кампанией по дискредитации исторической роли «коллективного Запада» после протестов на площади Таксим в 2013 г. и попытки военного переворота 2016 г. значительно ограничивают инструментарий внешнего влияния. В свою очередь это повышает значимость внутренних факторов эволюции формы правления, основными из которых на текущем этапе развития турецкой государственности выступят:

- 1) способность Р.Т. Эрдогана и ПСР к выработке и эффективной имплементации государственной политики, отвечающей интересам большинства жителей страны;
- 2) способность преодолевать негативные последствия чрезвычайных ситуаций;
- 3) успешность создания системы политической социализации военных кадров, предполагающей альтернативу кемализму;
- 4) способность к обеспечению транзита президентской власти.

В первом аспекте по основным социально-экономическим параметрам Р.Т. Эрдогану удалось добиться впечатляющих успехов: средний рост ВВП в период 2003–2023 гг. составил 5,9% против 4,3% за 1982–2002 гг.; инфляции – 14% при правлении ПСР против 63% в период правления нестабильных коалиций в ВНСТ¹. Однако нарастающее давление на легитимность режима Р.Т. Эрдогана и,

¹ Уровень инфляции в Турции // svspb.net – Режим доступа: <https://svspb.net/danmark/inflyacija.php?l=turcija> (дата посещения: 15.02.2024).

как следствие, проекта президентализации и персонификации власти оказывают ускорение инфляции с 12,3% в 2020 г. до 64,7% в 2023 г. (что стало самым высоким показателем с 2001 г¹.) и стабильно высокий уровень безработицы 10,3% в период правления ПСР против 7,6% за предшествующие 20 лет².

Наиболее опасными ЧС в турецких условиях выступают разрушительные землетрясения. Социально-экономические последствия Измитского землетрясения в 1999 г. нанесли существенный удар по легитимности власти кемалистов и выступили существенным фактором потери ими парламентского большинства в результате следующих выборов депутатов ВНСТ. Р. Т. Эрдоган и ПСР преодолели социально-экономические последствия еще более разрушительного землетрясения на юге Турции 2023 г. значительно успешнее, что в политическом отношении выразилось в победе на выборах президента и депутатов ВНСТ XXVIII созыва в 2023 г. Однако непрогнозируемость сейсмической активности высокой интенсивности придает данному типу ЧС характер постоянного риска для устойчивости политического режима и повышает вероятность ревизии формы правления.

Несмотря на революционные изменения института подготовки кадрового состава ВС Турции, ликвидацию цензорной роли армии как гаранта принципов кемализма в политической системе Турции и массовые кадровые чистки, столетний опыт политической субъектности армии не может не обладать инерцией. В условиях повышения интенсивности военных конфликтов на Ближнем Востоке и в Восточной Европе и закономерного усиления значимости армии, элита ВС Турции в случае дестабилизации социально-политической ситуации может возобновить борьбу за статус одного из ведущих политических институтов с ПСР и Р.Т. Эрдоганом. Богатые традиции организации военных переворотов и публичного давления на представителей гражданских властей придает данному фактору характер долгосрочного.

В условиях персонификации власти и сошествия лидеров ПСР 2000-х и 2010-х годов с арены политической борьбы острота

¹ Годовая инфляция в Турции в декабре составила 64,77% // ТАСС.– 3.01.2024. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/19669777> (дата посещения: 15.02.2024).

² Уровень безработицы в Турции // svspb.net – Режим доступа: <https://svspb.net/danmark/bezrabotica.php?l=turcija> (дата посещения: 15.02.2024).

вопроса о транзите власти будет неизменно возрастать. Решающее значение в данном аспекте приобретет способность Р.Т. Эрдогана и ПСР к социализации нового поколения политических лидеров и готовность своевременно делегировать им политические полномочия.

Таким образом, кейс эволюции турецкой формы правления является наиболее ярким выражением феномена президентциализации, выявленного исследователями на материалах политического развития европейских стран во второй половине XX в. и получившего полное концептуальное оформление в работах зарубежных и отечественных политологов 2000-х годов. Особый исследовательский интерес результаты анализа кейса Турции имеют в свете высокой динамики процесса и закрепления президентциализации не только в политической практике, но и в конституционном развитии институционального дизайна. Широкое распространение получили национальные системы, реализующие конституционный дрейф в рамках одной формы правления. Турецкий опыт является исключением и впервые демонстрирует последовательное институциональное движение на конституционном уровне от примата коллективных институтов к доминированию и автономии индивидуального актора через непродолжительный этап смешанной системы. Высокая теоретическая значимость турецкого опыта обусловлена глобальным характером процесса президентциализации, выступающего следствием универсальных факторов: размывания «кливажей», революции средств политической коммуникации, усложнения и профессионализации политики.

Специфически интенсивная динамика президентциализации в Турции связана с реакцией на длительное пребывание парламентской системы в условиях раздробленности и нестабильности, в свою очередь определяющее неспособность институтов обеспечить устойчивое общественно-политическое развитие. Таким образом была сформирована острота «критической точки» исторического процесса, открывшая широкое пространство для институционального творчества, воплотившегося в реконституционализации султанистской / персоналистской традиции. Ответом на укрепление президентциализма в политических системах, имеющих богатую историю парламентского правления, становится консолидация оппозиции и, соответственно, повышение вероятности перехода политических институтов под ее контроль и дальнейшей ревизии формы правления в сторону парламентаризма. Из-за высокой динамики процесса

преждевременно говорить о кристаллизации тенденций. Дальнейшее наблюдение за эволюцией турецкой формы правления позволит исследователям определить ограничения и пределы феномена президентализации.

A.A. Bakharev*

The presidentialization of Turkey during the administration of R.T. Erdogan: opportunities and limitations

Abstract. The article examines the evolution of the Turkish form of government as a unique case of rapid presidentialization, reflected both in the practical content of the relationship between the branches of government and the constitutional rules of the game in the triangle «President – Parliament – government». The specifics of the process of presidentialization are investigated within the framework of a neo-institutional approach. The constitutional and legal aspects of the relationship between the branches of government, historical determinants, the specifics of the party system and the interaction of the head of state and the government, and external influence are analyzed. The «path of dependence» of the Turkish system is represented by the historical competition of projects for the personification of power, parliamentarism and military rule. At the beginning of the XXI century, the period of fragmentation of the party system of the 1990 s was replaced by the dominance of the Justice and Development Party of R.T. Erdogan in the legislature, which laid the foundation for personification. After the consolidation of state bodies under the control of the AKP, there was a consistent decrease in the autonomy of prime ministers. In the constitutional dimension, there has been a transformation of the institutional design from a parliamentary republic to a presidentialized system with the monism of the executive branch and the establishment of the interdependence of the political destinies of the president and parliament. One of the conditions for the success of the transit was the elimination of the political role and autonomy of military institutions, which for almost 100 years acted as a controller of social development. By the 2020 s, the answer to the concentration of power resources in the hands of R.T. Erdogan's goal was to consolidate and increase the representation of the parliamentary opposition in the VNST, which, combined with the inertia of the army's view of its own political role, creates the likelihood of a revision of the form of government. The main factors of the stability of the presidentialized form of government will be the ability to overcome the manifestations of the socio-economic crisis, the historical inertia of the political role of the army, and the crisis of leadership during the transit of presidential power. The study of the factors of presidentialization identified in the framework of the study can be used in analyzing the evolution of semi-presidential republics, including the post-Soviet space.

* **Bakharev Anatoly**, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: baharev-anatoliy@mail.ru

Keywords: presidentialization; semi-presidential republic; form of government; president; parliament; government; Turkey.

For citation: Bakharev A.A. The presidentialization of Turkey during the administration of R.T. Erdogan: opportunities and limitations. *Political science (RU)*. 2024, N 3, P. 134–160. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.03.06>

References

- Avatkov V.A., Sbitneva A.I. Turkey in the modern world: between democracy and authoritarianism. *Current problems of Europe*. 2023, N 1, P. 270–288. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2023.01.12> (In Russ.)
- Avatkov V.A. *The Turkish Republic. Domestic policy: from 2002 to 2018* – Moscow: Izdatel'stvo Iurait, 2020, 203 p. (In Russ.)
- Aytac G. Analysis of Turkey's security policies in the period 1990–2005 through changing security theories. *Journal of international social research*. 2017, Vol. 10, N 54, P. 269–278.
- Bakharev A.A., Kuznetsov I.I. Interaction of the President, government and Parliament in semi-presidential systems: a comparative analysis of the experience of Russia, Ukraine and Turkey. *Political science (RU)*. 2019, N 4, P. 112–113. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.04.03> (In Russ.)
- Duran B., Mis N. *Turkey's presidential system: Model and practices*. Ankara: T SET Vakfı İktisadi İşletmesi, 2018, 280 p.
- Duverger M. A new political system model: Semi-presidential government, *European journal of political research*, 1980, Vol. 8, N 2, P. 165–187.
- Elgie R. (ed.). *Semi-presidentialism in Europe*. Oxford: Oxford university press, 1999, 320 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/0198293860.001.0001>
- Farrell B. *Chairman or Chief?: the role of Taoiseach in Irish Government*. Dublin: Gill and MacMillan, 1971, 110 p.
- Gülener S., Miş N. Constitutional framework of executive presidency in Turkey. *SETA analysis*. 2017, N 190, P. 1–32.
- Gur S. *Presidentialism: what it holds for the future of Turkey: a dissertation*. Louisiana: Louisiana state university, 2015, 150 p.
- Kharitonova O.G. The crisis evolution of the Turkish political system. *The Journal of political theory, political philosophy and sociology of politics Politeia*. 2018, N 3 (90), P. 181–205. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-90-3-181-205> (In Russ.)
- Linders N. *Recep Tayyip Erdoğan: leadership style and sensitivity to role change and traumatic events: bachelor thesis*. Leiden: Leiden university, 2017, 32 p.
- Medushevsky A.N. Theory of constitutional cycles. *Polis. Political studies*. 2006, N 2, P. 51–59. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.02.05> (In Russ.)
- Panov P.V. *Institutionalism of rational choice*. In: Patrushev S.V. (ed.). *Institutional political science: Modern institutionalism and political transformation of Russia*. Moscow: ISP RAN, 2006, P. 43–92. (In Russ.)

- Poguntke T. The presidentialization of parliamentary democracies: A contradiction in terms?: *Paper prepared for presentation at the ECPR workshop «The presidentialization of parliamentary democracies?»*, Copenhagen, 2000. – P. 19.
- Poguntke T., Webb P. The presidentialization of politics in democratic societies: A framework for analysis. In: Poguntke T., Webb P. (eds). *The presidentialization of politics: a comparative study of modern democracies*. New York: Oxford university press, 2005, P. 1–25.
- Sadykova L.R. Islamic Renaissance in Turkey on the border of the XX-XXI centuries. *MGIMO review of international relations*. 2009, N 5, P. 149–157. (In Russ.)
- Sartori G. *Comparative constitutional engineering: an inquiry into structures, incentives, and outcomes*. NYU Press, 1997, 217 p.
- Shlykov P.V. Military elite and political power in Turkey in the 2000 s: a paradigm shift? *Russia and the Moslem world*. 2013, N 4 (250), P. 107–109. (In Russ.)
- Shlykov P.V. The Army and the military elite in the context of Turkey's political transformation in the 2000 s and 2010 s. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. 2020, N 1, P. 121–136. (In Russ.)
- Shugart M.S., Carey J.M. *Presidents and assemblies: Constitutional design and electoral dynamics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, 316 p.
- Zaznaev O.I. Understanding the forms of government in modern political science: the latest discussions. *Political science (RU)*. 2014, N 1, P. 10–33. (In Russ.)
- Zubkova A.I. «Taksim is everywhere, resistance is everywhere»: a political analysis of the protests in Turkey. *RUDN Journal of political science*. 2013, N 4, P. 68–70. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Аватков В.А., Сбитнева А.И. Турция в современном мире: между демократией и авторитаризмом // Актуальные проблемы Европы. – 2023. – № 1. – С. 270–288. – DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2023.01.12>
- Аватков В.А. Турецкая Республика. Внутренняя политика: от 2002 к 2018. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 203 С.
- Бахарев А.А., Кузнецов И.И. Взаимодействие президента, правительства и парламента в полупрезидентских системах: сравнительный анализ опыта России, Украины и Турции // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 112–113. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2019.04.03>
- Зазнаев О.И. Осмысление форм правления в современной политической науке: новейшие дискуссии // Политическая наука. – 2014. – № 1. – С. 10–33.
- Зубкова А.И. «Везде Таксим, везде сопротивление»: политический анализ протестов в Турции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2013. – № 4. – С. 68–70.
- Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 2. – С. 51–59. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.02.05>

- Панов П.В.* Институционализм рационального выбора // Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 43–92.
- Садыкова Л.Р.* Исламский «ренессанс» в Турции на рубеже XX–XXI вв. // Вестник МГИМО Университета. – 2009. – № 5. – С. 149–157.
- Харитонова О.Г.* Кризисная эволюция турецкой политической системы // Журнал политической философии и социологии политики. Политика. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2018. – № 3 (90). – С. 181–205. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-90-3-181-205>
- Шлыков П.В.* Военная элита и политическая власть в Турции 2000-х годов: смена парадигмы? // Россия и мусульманский мир. – 2013. – № 4 (250). – С. 107–109.
- Шлыков П.В.* Армия и военная элита в контексте политического развития Турции 2000-х и 2010-х годов // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2020. – № 1. – С. 121–136.